

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

LRi – *Le Robert illustré*. – Paris : Larousse, 2012. – 2097 p.

AM – *Moravia, A. L'amour conjugal* / A. Moravia. – Paris : Gallimard, 1972. – 192 p.

ML – *Lévy, M. Et si c'était vrai...* / M. Lévy. – Paris : Ed. Robert Laffont, 2000. – 92 p.

The domain of premorphology is really huge and its boundary lines are really vague. So the aim of this article is to define regular patterns of formation of premorphological adverbs of manner in french, to describe their peculiarities, to distinguish premorphological adverbs from morphological analytic adverbs.

Поступила в редакцию 31.05.13

Т.К. Кохнович

ВОПРОСНО-ОТВЕТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ С ПРОТИВОРЕЧАЩИМИ ИНТЕНЦИЯМИ (на материале современного немецкого языка)

В статье анализируются вопросно-ответные высказывания, в которых реплика-ответ не соответствует интенции спрашивающего. Описываются различные комбинации синтаксических структур вопросно-ответных реплик, а также причины появления интенционального противоречия.

Утвердившийся в последние годы в лингвистике коммуникативно-прагматический подход позволяет характеризовать процесс диалогического общения как акт взаимодействия партнеров по коммуникации. Вследствие такого осмысления диалога оба партнера по общению рассматриваются в качестве равноправных, активно взаимодействующих субъектов. Акт общения только тогда имеет смысл, когда партнеры, с одной стороны, имеют возможность высказать свою точку зрения по поводу определенного факта или объекта действительности, с другой – получить мгновенную оценку выбранной ими тактики ведения диалога со стороны реципиента.

Особенности изучения диалогической речи продолжают оставаться одной из проблем коммуникативной лингвистики. Диалог – наиболее яркий и естественный случай коммуникации, так как подлинное свое существование язык обнаруживает лишь в диалоге. Диалог является полноценной подсистемой коммуникации, своеобразно представляющей коммуникативные деятельности адресанта и адресата, и содержит такую совокупность языковых средств и экстралингвистических факторов, которые выбраны и скомбинированы для успешного достижения задач коммуникации.

Диалог, по утверждению Л.М. Михайлова, характеризуется следующими признаками: обязательным присутствием в коммуникативной ситуации не менее двух коммуникантов, первичностью устной формы производства речи, реплицированием речи, возникающей в результате чередования реплик коммуникантов. Диалогу свойственна быстрая смена реплик собеседников, краткость, синтаксически зависимый характер и своеобразный состав предложений [1, с. 226].

Говорящий на основе своей интенции задает коммуникативную программу, которая решается в диалоге обоими собеседниками. При этом важную роль играют коммуникативная ситуация, место, время, а также отношения между коммуникантами. В качестве объекта описания диалогической речи обычно выступает диалогическое единство – коммуникативная единица этого вида речи. Экспрессия диалогического единства состоит в воздействующей силе как реплики-стимула, так и реплики-реакции. О.А. Кострова отмечает, что усиление воздействующей силы реплики-стимула достигается с помощью интенсивных номинаций, конструкций эксплицитной модальности, употреблением различных повторов. В ответных репликах, по мнению исследователя, выражается позиция говорящего, влияющая на ход диалога. Она проявляется в эмфатических подтверждениях и отрицаниях, эмоционально-оценочных повторах и уклончивых ответах [2, с. 203].

Вопросно-ответная форма диалога в различных языках всегда привлекала внимание отечественных и зарубежных лингвистов. При этом отмечалось, что структура ответной реплики легче поддается типологизации [Там же, с. 205].

Так, А.А. Леонова-Елисеева различает среди ответных реплик три основные группы [3, с. 15]. К *первой* группе относятся эмоциональные реакции в виде междометий, вопросов, вызванных предшествующей информацией, а также оценка предшествующего высказывания в виде замечания общего характера или совета собеседнику. Ко *второй* группе Леонова-Елисеева причисляет уточняющие эмоционально-оценочные и пояснительные перифразы. *Третью* группу составляют неавтономные реплики: подтверждение, отрицание, уклончивые вопросы, встречные вопросы.

Внимание лингвистов, изучающих язык в прагматическом аспекте, сосредоточено чаще на исследовании успешно протекающей коммуникации. Основополагающими принципами успешного общения признаются максимы П. Грайса, поэтому в большинстве типологий вопросных и ответных реплик имеет место стандартное сочетание интенций адресанта и адресата: отвечающий подтверждает, опровергает или разъясняет представление ситуации, которое дано спрашивающим в вопросе, т.е. имеет место интенциональное сотрудничество. Принцип коммуникативного сотрудничества реализуется в двух более частных принципах: *взаимодействия* и *воздействия* [1, с. 202]. Принцип *в з а и м о д е й с т в и я*, как указывалось

выше, предполагает активное участие обоих собеседников в структурировании речи. Способы реализации принципа воздействия весьма разнообразны. Так, известно, что вопрос имеет своей целью получение информации, однако эта цель не всегда является достигнутой. Вопрос часто побуждает не только к ответной реакции, но и провоцирует эмоциональную реплику:

Hat Ihnen dieser Film gefallen? – Dieser Film und gefallen? Wo denkst du hin?

Представляется, что недоразумения, вызванные отказом от формализованного общения, – составляющие естественного речевого взаимодействия. Иллокутивная цель речевого акта не всегда может быть достигнута, т.е. речевой акт может не привести к желаемому перлокутивному эффекту. Именно в этом случае возникают коммуникативные неудачи, которые довольно часто наблюдаются в диалоге. А принципы кооперации и вежливости П. Грайса могут привести к ритуализованному диалогу, что провоцирует сбой в общении. Общепринятым является определение коммуникативных неудач, предлагаемое О.П. Ермаковой и Е.А. Земской, согласно которому коммуникативные неудачи – это полное или частичное непонимание высказывания партнером по коммуникации, т.е. неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего, а также возникающий в процессе общения нежелательный эмоциональный эффект: обида, раздражение, изумление [4, с. 31].

Е.А. Теплякова отмечает, что коммуникативные неудачи могут быть *запланированными* (нарочитое провоцирование возникновения коммуникативных неудач со стороны одного из коммуникантов) или *незапланированными*, которые возникают непреднамеренно под влиянием каких-либо неязыковых факторов [5, с. 18].

Возросший интерес к прагматическим аспектам неудачного общения обусловил множество терминологических сочетаний, обозначающих различные проявления коммуникативной неуспешности/неэффективности: коммуникативная неудача, коммуникативный сбой, коммуникативная ошибка, коммуникативный конфликт. В основе понятий лежат различные критерии, ориентированные на результат коммуникации.

В настоящей работе рассматривается один из видов коммуникативных неудач, который мы определяем как вопросно-ответные единства с противоречащими интенциями, так как реплика-ответ не соответствует реплике-стимулу. К таковым случаям В.С. Пугач относит некорректность вопроса в реплике-стимуле, невозможность ответа, неправильную адресацию вопроса и т.д. [6, с. 8]. Адресат или не использует представление ситуации, данное в вопросе, либо использует его так, чтобы нельзя было извлечь сведения, необходимые адресанту, например отвечая вопросом на вопрос. Причиной этого могут быть вопросы, которые заставляют коммуникативного партнера занимать оборонительную позицию. У. Ленерт называет такие вопросы стратегическими, поскольку они навязывают говорящему определенную линию поведения [7, с. 261].

Иницилирующими репликами в вопросно-ответных высказываниях являются, как правило, местоименные или неместоименные вопросы. Так, вопросно-ответные высказывания, образованные сочетанием местоименного вопроса и повествования, могут быть представлены следующим образом:

Welche Farbe ist jetzt modern? – Ich rate Ihnen schwarz [Mgr, S. 37].

Seit wann läufst du Ski? – Jemand hat mir das beigebracht [R, S. 79].

Хотя данные реплики-реакции выражают определенные ответы на вопросы, они не полностью релевантны по отношению к интенции вопросов.

Тактика уклончивого ответа имеет место при ответе побудительным высказыванием на местоименный вопрос:

Was ist mit dir? – Beruhige dich, alles wird besser werden! [R, S. 48];

Wer kann das sein? – Lass uns still sein und warte! [R, S. 93].

Побудительные высказывания делают ситуацию мягче, снимают напряжение в отношениях коммуникантов. Нестандартные диалогические образования могут сочетать в себе два местоименных вопроса, содержащих при этом реплику-реакцию *Warum*, предваряющую рассуждение общего характера:

Wozu wollen Sie das wissen? – Warum ist hier jeder so misstrauisch? [R, S. 206].

Анализируемый материал показывает, что обе реплики вопросно-ответных высказываний являются в большинстве случаев эмоционально окрашенными:

Was willst du denn hier? – Und du? (удивление – недоумение) [Ksb, S. 120].

Wer sind Sie eigentlich? – Warum fragen Sie? (раздражение – недовольство) [Mgr, S. 110];

Wohnt dieser Marius auch da? – Na und? Was ist schon dabei? (любопытство – раздражение) [Kr, S. 19].

У реагирующего собеседника свое видение ситуации, оно мотивируется иницилирующей репликой первого вопроса, и истинный смысл высказывания может быть определен только из контекста. Можно говорить об *открытом* и *скрытом* уклонении от ответа. Отличие между ними состоит в том, что в случае открытого уклонения от ответа слушатель сигнализирует своему собеседнику о нежелании сотрудничать, во втором случае уходит от ответа скрытым образом:

Was willst du denn in Italien machen? – Warum fragst du immer? [Ksb, S. 39].

Hast du was zu verbergen? – Gibt es heute noch jemand, der nicht zu verbergen hat? [R, S. 202].

Косвенность служит, по нашему мнению, смягчению оппозитивной интенции в ответной реплике, например, на местоименный вопрос при рассуждении общего характера, как показывает приведенный выше пример. Реплика-реакция на местоименный вопрос может быть резким тематическим переключением, что создает сильную экспрессию:

Was war dein schönster Tag? – Wo sind die Eltern? [Mgr, S. 48].

Встречный вопрос является иногда тактикой убеждения собеседника в чем-либо:

Hast du auch einen Sturzhelm für mich? – Was soll uns in den paar Minuten passieren? [Sm1, S. 9].

Значительное число нестандартных вопросно-ответных высказываний представлено сочетанием общих вопросов и повествований:

Kommst du? – Ich habe morgen eine Sitzung [Mgr, S. 64].

Bist du verheiratet? – Meine Frau lebt in Berlin [Ksb, S. 37].

Подобные ответные реплики можно характеризовать как опережающие ответы. Превышая запрашиваемый ответный минимум *ja – nein*, реагирующие реплики диалога содержат дополнительную информацию и выполняют две функции: они подтверждают/отрицают акт коммуникации и становятся ремой всего вопросно-ответного образования – ответ может быть выведен из реплики-реакции. Эти вопросно-ответные высказывания встречаются, на наш взгляд, нередко, поскольку они соответствуют тенденции разговорной речи и экономии речевых средств.

В некоторых случаях собеседник уходит от прямого ответа, заменяя его высказыванием собственного мнения относительно содержания вопроса:

Glaubst du, dass sie dir aus London etwas mitbringt? – Ich erwarte keine Geschenke [Mgr, S. 104].

В реплике-реакции на неместоименный вопрос может содержаться также выражение негативного отношения к предмету обсуждения (например, надевать не джинсы, а костюм на дружескую вечеринку):

Soll ich den Anzug anziehen? – Das ist doch übertrieben! [Kr, S. 17].

В анализируемом материале представлено значительное число вопросно-ответных высказываний в следующем сочетании синтаксических структур: неместоименный вопрос-стимул и местоименный вопрос-реплика. С учетом контекстов мы определили данные высказывания как сочетание стратегического вопроса и стратегического ответа:

Musst du schon wieder diese schrecklichen Lieder pfeifen? – Warum soll ich das nicht tun? [Sm1, S. 54].

По мнению У. Ленерта, подобные стратегические вопросы-реплики, т.е. вопросы с неодобрительной оценкой, передают некоторую информацию и имеют целью заставить собеседника занять оборонительную позицию [7, S. 261]. Стратегический ответ на стратегический вопрос – это ответ, назначение которого признать стратегию, выраженную в вопросе, отреагировать на нее более сильной. Так, в приведенном выше примере вряд ли можно интерпретировать вопрос как запрос о некоторой информации, в действительности – это выражение неодобрения. Ответная реплика – это еще один псевдовопрос, который может означать, что говорящий не имеет над ним никакой власти.

Встречные вопросы могут выступать в упреждающей функции. Задавая вопрос, говорящий прогнозирует следующее действие речевого партнера, предугадывает его. Тем самым усиливается экспрессивность интеррогативной реплики:

Hast du den Teller noch? – Willst du ihn wieder haben? [Mgr, S. 124].

Ответы на неместоименные вопросы могут иметь широкий диапазон репликовых шагов с различной иллокутивной направленностью. Они демонстрируют в некоторых случаях нерешительность собеседника, иногда указывают на его готовность выполнить действие при определенных условиях:

Bist du beleidigt? – Nun... [Mgr, S. 84];

Bist du bereit zur Heldentat? – Ich... m... wenn ich... [Mgr, S. 20].

В некоторых случаях собеседник хочет выиграть время для обдумывания вопроса и использует в реплике-реакции переспрос, являющийся тактической реакцией на предыдущий вопрос:

Und was machst du mit den Birnen? – Was ich damit mache? [Ksb, S. 41].

К обычным формулам ухода или отклонения от ответа можно отнести следующие реплики-реакции, отмеченные в данной работе.

Ich weiß nicht. Das kann ich nicht wissen. Woher soll ich das wissen?

Эти ответы-реакции не связаны со структурой вопроса-стимула. Наш практический материал подтвердил наличие коммуникативно-прагматических аспектов встречного вопроса. Наиболее частыми случаями таких аспектов являются:

1. Собеседник уходит от прямого вопроса: *Weißt du, dass er nach Paris fahren will? – Hat er mit dir darüber gesprochen?* [Mgr, S. 148].

2. Встречный вопрос свидетельствует о прекращении разговора: *Glaubst du, dass er auf Mallorca glücklich ist? – Woher soll ich das wissen?* [Mgr, S. 200].

3. Встречные вопросы выражают нарастание напряженности между собеседниками: *Warum hast du mich nicht gefragt, mitzugehen? – Mitzugehen? Weg von hier? Von deiner Familie? Von allem, was du liebtest?* [R, S. 73].

Встречные вопросы используются собеседником, когда он парирует вопрос-стимул, избегая прямого ответа или переходит сразу к доводам своего мнения. Иногда данные вопросы звучат с долей иронии, иногда адресат не в состоянии дать ответ. Ему требуется дополнительная информация о том, что интересует собеседника. Иногда демонстрируется невозможность того аргумента, который высказан в вопросе.

Наше исследование показало, что связь вопроса с ответом может быть весьма отдаленной. В живом диалогическом общении постоянно возникают ситуации, квалифицируемые как интенциональное противоречие и воспринимаемые как некоторое нарушение обычного обмена информацией. Однако описанные вопросно-ответные высказывания отражают активную роль коммуникантов и реальную ситуацию общения.

Представляется необходимым отметить, что важную роль при характеристике данных высказываний имеет интонация, ибо выражение и восприятие интенционального смысла происходит во взаимосвязи лексико-грамматической и просодической реализации высказывания. Интонация

является одним из факторов, определяющих для слушающего сферу возможных интерпретаций смысла высказывания, а для говорящего – выбор средств выражения интенционального смысла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михайлов, Л.М. Немецкий язык. Грамматика устной и письменной речи / Л.М. Михайлов. – М. : Астрель: АСТ, 2003. – 348 с.
2. Кострова, О.А. Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка : учеб. пособие / О.А. Кострова. – М. : Флинта, 2004. – 239 с.
3. Леонова-Елисеева, Л.А. Рекуррентные предложения в современном английском литературном диалоге : автореф. ... канд. филол. наук / Л.А. Леонова-Елисеева. – Калинин, 1969. – 24 с.
4. Ермакова, О.П. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) / О.П. Ермакова, Е.А. Земская // Русский язык в его функционировании: прагматический аспект. – М. : Наука, 1993. – С. 30–64.
5. Теплякова, Е.К. Коммуникативные неудачи при реализации речевых актов побуждения в диалогическом дискурсе : автореф. ... канд. филол. наук / Е.К. Теплякова. – Тамбов, 1998. – 23 с.
6. Пугач, В.С. Уклонение от прямого ответа на вопрос как тип речевого реагирования : автореф. ... канд. филол. наук / В.С. Пугач. – Белгород, 2002. – 23 с.
7. Ленерт, У. Проблемы вопросно-ответного диалога / У. Ленерт // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. – М. : Прогресс, 1998. – Вып. 23. – С. 258–280.
8. Зарецкая, Е.В. Вопросно-вопросные диалогические единства в речевой коммуникации / Е.В. Зарецкая // Стратегия коммуникативного поведения : материалы докл. Междунар. науч. конф. : в 3 ч. – Минск : МГЛУ, 2001. – Ч. 2. – С. 31–35.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- Mgr – Mager, H. *Freitags zwischen drei und sechs* / H. Mager. – Berlin : Verl. Neues Leben, 1964. – 327 S.
- R – *Remarque, E.-M. Die Nacht von Lissabon* / E.-M. Remarque. – Berlin; Weimar : Aufbauverl, 1976. – 304 S.
- Ksb – *Kusenber, K. Lesebuch für die 7. Klasse* / K. Kusenberg. – Darmstadt : Winklers, 1982. – 336 S.
- Kr – *Kehr, Chr. Deutsch 2 für Ausländer* / Chr. Kehr, M. Meyerhoff. – Hamburg : Rowohlt, 1991. – 326 S.
- Sm1 – *Schumacher, S. Kurzhörspiele 1. Szenen zum Nachspielen und Diskutieren* / S. Schumacher. – Bonn : Internationes, 1999. – 63 S.

This article analyses question-answer utterances in which the reply/answer does not correspond to the intention of the person who is asking.

The article describes various combinations of syntactic structures of question-answer utterances as well as the reasons for intentional contradictions.

Поступила в редакцию 22.04.13